

Глава 1

ШТРАФНИК

Не такой уж и сильный, но отличающийся постоянством ветер упруго бьет в лицо, принося свежесть. Хм... Вообще-то пока не так чтобы и тепло, только середина весны, ледоход закончился совсем недавно, и повсюду самая настоящая распутица. Но все познается в сравнении. Например, в утробе баржи, откуда он сейчас поднялся, страшная духота. Запахи, доносящиеся из степи, куда более приятны, чем те, что витают над посудиной. А уж если сравнивать с ароматами в самом трюме... Однозначно обрадуешься ветерку, даже если он заставляет слегка поежиться.

Направление ветра не прямо в лицо, а слегка сбоку, поэтому он относит в сторону дым от пароходика, тянущего баржу. Но вот ветер поменялся, и черный шлейф накрыл палубу, забрался в ноздри и заставил чихнуть. Ну а чего, собственно, ожидать, это же не океанский лайнер, высоко несущий свои трубы, у этого одна-единственная и та едва возвышается над рубкой. Спуститься вниз? Ну уж нет. Лучше дым и запах конюшни, чем неистребимое амбре казармы. Господи, иной же мир, ну почему все так похоже? И ведь нет никакой разницы — на суше или на воде казарма, она и есть казарма.

Пока были на формировании в форте, Сергею удалось избежать общего жития, поселившись отдельно в палатке, правда, ненадолго, примерно через две недели его «уплотнили», подселив еще восемь человек, с которыми предстояло служить Сергею и Анушу. Подразделение попол-

нялось по критериям, ведомым только сержанту Грибски. Интересно, чем он руководствовался, когда в последний момент определил в этот десяток небезызвестного Хвата? Ладно Ануша, об этом Сергей сразу просил. Но этого блатного?

В первый день, по прибытии в казарму черных шевронов, именно Хват выступил в качестве заводилы от лица каторжан, собиравшихся поймать новичков. Не образуясь тогда кода блатных, и наверняка Варакина уже доедали бы черви, потому как спускать он никому не собирався и был готов пойти до конца. Они все приговорены к смерти, и им предоставили шанс выжить, отслужив двухлетний срок на пинкской территории. Так что долго с ним никто не разбирался бы, быстренько определив на виселицу, в назидание другим. Вот такая ситуация. Даже если бы он сумел порешить всех блатных, ему от этого легче не было бы. Глупость, конечно, и, кстати, из-за такой же он здесь и оказался, но и помыкать собой он никому не позволит.

В степи есть шанс выжить, в казарме после убийства — нет. Поэтому блатные предпочли не связываться с больным на всю голову Варакиным. А уж когда узнали, что он за фрукт, так и вовсе забыли о его существовании. Человек, перебивший банду Агилара Валийца и порешивший во время дознания полицейского, — это понимать надо.

Ветерок опять поменялся, и дым отнесло левее. Если так просидеть целый день, то вполне даже можно стать чумазым как черт. Не, в трюм хочется еще меньше. А раз так, то не отвлекаемся и продолжаем шить.

— А, зар-раза!

— Ануш, у тебя наперсток для чего? — поглядев на паренька, недовольно поинтересовался Сергей.

— А я им разве не пользуюсь? Да только соскальзывает. И как это у тебя получается?

— Э-э, ты мне это прекращай. Я за тебя шить не стану. Так что учись, наука не такая уж и сложная.

— То наука для бабы, мужику оно вроде как и ни к чему.

— А ты представь себе, что справу какую тачаешь, вот сразу и полегчает. Хм... Тем более что так оно и есть.

Сказав это, Варакин ловко вогнал в парусину большую иглу и, протаскив нитку, положил очередной ровный стежок. Бартова, глядя на это, только завистливо вздохнул. Однако если просто сидеть, то дело само не сдвинется с мертвой точки, поэтому он также взялся за иглу. Парень куда охотнее предался бы праздности и повалился в свое удовольствие, но старший товарищ думал иначе и озадачил его по полной.

В настоящий момент отделение Сергея занималось изготовлением средства защиты под незамысловатым названием «бронезилет». Как ни странно, мысль об этом ему пришла совершенно случайно, а натолкнул на нее интендант, когда Сергей и Грибски устроили «налет» на склад.

В выдвижном ящике стола интенданта Варакин заметил искореженную флягу. Вопрос по поводу нее как-то сам собой сорвался с губ. К тому моменту неожиданные покупатели успели принести сержанту изрядную прибыль, поэтому он снизошел до объяснений. Как видно, все то имущество, что он сейчас удачно реализовал, по книгам учета уже не числилось. Именно этим объяснил себе его благожелательность Сергей.

Словом, эта армейская медная фляжка хранилась в память о том, как однажды смерть обошла стороной ее хозяйина. Захотелось сержанту как-то раз напиться, вот он и потянулся к фляге. Пуля прошла одну стенку, погнула вторую, припечатала той флягой сержанта в грудь, посадила там здоровенный синяк и застряла внутри посуды. Она, кстати, и сейчас находилась там.

Благодаря этой истории Сергей и задумался насчет бронезилета. Через пару дней в форт явился токарь с готовым глушителем, заказанным сразу по прибытии в Крумл. Варакин поспешил заказать ему несколько пластин из самой лучшей стали и разной толщины. Тот пообещал, что обязательно выполнит заказ, тем более ему все одно нужно было возвращаться к заказчику — Сергей не

собирался платить за работу, если она окажется халтурой, на проверку же требовалось время.

Многим окружающим этот парень лет двадцати пяти казался странным. И идеи он порой озвучивал очень необычные. Вот, например, этот глушитель. А одного взгляда на его карабин со зрительной трубкой, что сейчас хранится в арсенале, достаточно, чтобы вызвать любопытство. Но куда больше удивления вызвал бы откровенный ответ Сергея на вопрос, откуда он взялся на Глобусе.

Глобус — это название планеты, куда занесло Сергея по воле случая и уж точно помимо его собственной. Вернее, если быть более точным, то она называлась Аглаулибарты, это на каком-то местном древнем и уже мертвом языке. Ну любят ученые заумные названия, назовут так, что не выговоришь, вот и это самое Аг... если короче, то так называется макет планеты, по более привычной ассоциации для Варакина — глобус.

Примерно год назад к Сергею, жителю глухой сибирской деревушки и по совместительству охотнику-промысловику, обратился залетный столичный ученый Болотин. Потом-то выяснилось, что он не ученый, а простой энтузиаст, да еще недоучка. Так вот, он убедил Варакина отправиться с ним в путешествие в глухой уголок тайги, где якобы раз в сто лет открывается портал в иной мир. Ученая-то степень была надуманной, а вот деньги платились реальные, ну и отчего не проводить чудика.

Да-а. Закончилось это несколько иначе, чем представлялось. Проход в иной мир открылся, и они смогли в него проникнуть, просто шагнув за грань, а вот потом он закрылся. Доморощенный ученый ошибся в расчетах даты открытия и закрытия этого самого портала.

Иного выхода, кроме как устраивать свою жизнь в новых условиях, у них не было. Болотин оказался вполне нормальным компаньоном. К тому же у них были все шансы прожить приличную жизнь, не уподобляясь Робинзону Крузо. Здесь обитали такие же люди. В настоящее время уровень развития их цивилизации соответствовал второй половине девятнадцатого века на Земле.

Вначале все складывалось довольно удачно, но обернулось большой бедой впоследствии. В результате ряда событий Сергей оказался приговоренным к службе в подразделении черных шевронов — местных штрафников. Алексей, насколько было известно Варакину, погиб. Нет, Сергей вовсе не сомневался в смерти своего товарища по несчастью, с которым успел по-настоящему подружиться. Просто сам он его тела не видел, так как в этот момент был за решеткой.

Подразделение, куда попал Варакин, отправляли на пинкскую территорию, да еще и населенную враждебным племенем. Пинки — это местные индейцы. (Происходящее вокруг вообще сильно напоминало жизнь на Диком Западе, каковую Сергей наблюдал в фильмах или на страницах книг. Хм... А ведь еще и материки в чем-то очень даже похожи, и тут по всему получается Северная Америка.) Так вот, племя арачей вовсе не будет обрадовано появлением на реках Изера и Мрава валийских и рустинских застав, а потому постарается всячески их извести. Чтобы выжить в сложившейся ситуации, Сергей был вынужден мобилизовать свою память, опыт прошлой жизни и кое-что предпринять...

Одним из первых шагов Варакина была закупка снаряжения, которое штрафникам, или черным шевронам, выдается весьма скудно и далеко не приличного качества. Помимо обычной амуниции и вооружения он решил использовать и то, о чем тут пока не знали, в частности глушитель. Изделие Сергей испытал в этот же вечер, когда сумел попасть на стрельбище. При помощи выколоток, которые также изготовил токарь, он очень быстро набил из кожи манжеты, поместил их в трубу глушителя, переложив шайбами. Получилось пространство, разделенное на множество секций.

Ничего так вышло. Прямо сказать, хорошо. Звук не сильнее среднего хлопка в ладоши, который с расстояния в полсотни метров не услышишь, если специально не вслушиваться. А вот с сотни — полная тишь и благодать. Если же стрелять по скачущим, когда топот лошадей забивает

все, или по большой группе, не способной к полностью бесшумному передвижению по определению, то атакуемые ничего не услышат, даже если бить в упор. Отлично получилось, чего уж там.

Правда, под это дело карабин нужно будет по новой пристреливать. На баллистику приспособление оказало вовсе не благотворное влияние. Прицельная дальность сократилась на четверть. Но нельзя получить все и сразу. Была у него мысль использовать глушитель для «мосинки», там дальность была бы куда больше. Но от этой мысли он отказался, едва вспомнил о том, что скорость пули земного карабина превышает скорость звука более чем в два раза. Не помог бы тут глушитель. А вот «дятлич» с его дозвуковыми патронами под это дело вполне подходил.

На следующий день Сергей честь по чести расплатился с токарем и заказал ему еще одно такое же изделие. Заодно он принял от него несколько пластин и вечером их опробовал, расстреляв с расстояния в сотню метров из самого мощного стрелкового оружия в армии Рустинии — пехотной винтовки Балича. В ходе испытаний была определена наиболее подходящая толщина. На следующий день старику поступил заказ на изготовление четырех пластин, для двух бронежилетов.

Грибски согласился, что штука довольно полезная, но таскать на себе эту тяжесть наотрез отказался. Тем более что кроме этого она сама по себе стесняла движения. Уверения, что он быстро привыкнет, его не переубедили. И наконец, самое главное, он считал это издевательством над формой.

Ни о чем подобном в армейских подразделениях не могло быть и речи, даже в отдаленных гарнизонах. Чего не скажешь о черных шевронах. Их-то и за солдат по большому счету не считали. Так, сброд, и не более. Именно поэтому сержант посмотрел на подобную вольность сквозь пальцы.

Все это показалось Сергею странным, так как в остальном дядька проявлял просто верх прагматизма. Так, он благосклонно воспринял желание Сергея закупить у ин-

тенданта целую сотню буровых шашек взрывчатки, которая так и называлась — бур.

Вообще, название взрывчатке было дано по предыстории ее появления. Дело в том, что изначально и в армии, и у гражданских использовался пал, весьма капризная взрывчатка, которая могла детонировать от малейшей небрежности в обращении. Но если солдату можно было просто приказать, то гражданские откровенно боялись иметь дело с такой опасной штукой. Очень скоро согласных рисковать жизнью ради заработка оказалось очень мало и их услуги стали обходиться весьма дорого. В связи с этим использование взрывчатки в добывающей отрасли или при выполнении горных работ превратилось в недешевое удовольствие, хотя и необходимое.

Именно это и финансирование со стороны горнозаводчиков, а не нужды военных побудили ученых к поиску более безопасной взрывчатки. На поверку она оказалась не дороже пала, да еще и превосходила его по разрушительной силе.

Первое применение новая взрывчатка нашла именно в гражданской отрасли, и производилась она в форме и габаритах буровых шашек, отсюда и «бур». Только когда новая взрывчатка показала себя с наилучшей стороны в гражданской отрасли и там же прошла всесторонние практические испытания, военные обратили на нее свое внимание. В срочном порядке началось перепрофилирование производства, а арсеналы стали пополняться буром.

В последнюю войну весьма щедро использовался именно пал. Его стратегические запасы истощались в первую очередь. Однако полностью избавиться от этой нестабильной взрывчатки не удалось, кое-что хранилось на складах и по сей день. Взять и просто уничтожить ее никому в голову не приходило.

Помимо взрывчатки Сергей закупил еще и кое-какой слесарный инструмент, разумеется, все через того же токаря. Кроме того, его же он попросил нарезать на равные куски толстостенные трубы и нанести насечки. Из этих

отрезков Сергей собирался сделать оборонительные гранаты.

В качестве наступательных предполагались гранаты с корпусами, гнутыми из жести. Поначалу была мысль использовать консервные банки, благо металл тут потолще, чем на Земле, но, как оказалось, все же не настолько, чтобы удовлетворить запросы. А вот кровельное железо вполне отвечало требованиям Сергея. Довольно толстое, достаточно пластичное, и в то же время разлет осколков не так чтобы и велик, метров двадцать.

Кстати, идея с гранатами пришлась по вкусу сержанту Грибски, и он сумел выбить буровые шашки еще в количестве сотни штук. Разумеется, в комплекте с запальными шнурами и капсюлями. С железом проблем не было, в дело годилось любое старье и хлам.

С запалами был полный швах, и пришлось ограничиться простым запальным шнуром. Нет, если пораскинуть мозгами и вложиться не так чтобы и дорого, то можно придумать нечто удобоваримое. Но ни времени, ни тем более лишних средств у Сергея не было. Ничего, так тоже должно получиться вполне приемлемо. Тут не до жиру.

С другой стороны, грех жаловаться. Несмотря на характер подразделения, им разрешили дополнять свою экипировку, что в представлении Сергея вовсе ни в какие ворота. Впрочем, ему вообще было трудно представить регулярную армию, где служат со своим оружием, самостоятельно обеспечивая себя боеприпасами, пусть и по льготной цене.

Вот и сейчас они занимаются изготовлением амуниции. Впрочем, как раз этот дивайс носить и не разрешили бы. Не по уставу. Опять же не входит в перечень разрешенного замещения. Как не входит и портупея, изготовленная шорником по специальному заказу. Ох уж эта экипировка. От огромной суммы в триста крон не осталось и следа. Все до последнего гнедка было потрачено на закупку того, что могло понадобиться в суровых условиях враждебной степи.

Разумеется, тратил Варакин не только на себя, но и на

своего спутника, молодого паренька Ануша. Выжить в одиночку нечего и мечтать, так уж получилось, что друзей у Сергея нет. Паренек же неплохо экипирован, отлично стреляет, не трусливого десятка, а главное — молод, и бросить товарища для него хуже смерти. Именно такой и не помешает, чтобы прикрывать спину. Ну и Сергей в свою очередь всегда прикроет его. Он и отцу паренька пообещал, и надежнее так. Никогда не жди от людей того, чего не можешь дать сам. Хочешь верности и честности — будь готов платить той же монетой. Врага страшнее того, кто увидит в тебе предателя, быть не может.

— А, гадство! Что за хрень?! Я вор, а не белoshвейка!

Это уже с другой стороны, и совершенно иной персонаж. Хват. Прозвище это прилипло к нему еще в детстве. Он был родом из приличной семьи и по всему должен был вырасти степенным хуторянином. Должен...

Должен, да не срослось. Пинки сожгли хутор его родителей, убили всех мужчин и мать, а двух сестер увели в плен. Он, тогда двенадцатилетний мальчишка, сумел спрятаться и пробраться к заставе. Его определили в приют, но нравы там оказались далеки от благостных, и мальчишка сбежал. Потом беспризорщина.

Поначалу, когда не обладал никаким опытом, в момент острого голода он шел на отчаянный шаг — врывался в харчевню, хватал с какого-нибудь стола съестное и убегал. Пару раз его ловили и били, но в основном все обходилось.

Вот тогда-то его и прозвали Хватом. Складывалось такое впечатление, что парень напрочь позабыл свое настоящее имя. Он ведь и по всем бумагам проходил как Хват — ни имени, ни фамилии.

А малец-неумеха превратился в настоящего вора, от которого стонало не только пограничье, но и восточные поселения. Он не специализировался на чем-то одном, обворовывал и дома и лавки, имел даже опыт грабежей. Вот однажды и перестарался, слишком сильно приложил клиента дубинкой по голове.

Судили его по совокупности преступлений и от щедрот

нарезали год каторги. В принципе такой срок при хорошем здоровье и должном упорстве можно было бы и выдержать. Но, как видно, парень решил, что ему будет проще в степи, хотя и придется служить два года против одного по приговору. Но это его не отпугнуло. Впрочем, чему тут удивляться, и там и там можно с успехом отдать концы, но в степи ты и чувствуешь себя получше, и от тебя зависит побольше.

— Насколько мне известно, здесь все убийцы и воров нет, — делая очередной стежок, возразил Сергей.

— Я убийца только по недоразумению. По пьянке не рассчитал силы и раскроил череп. А так я с мокрухой дел никогда не имел.

— Все беды от пьянки, — назидательно произнес Сергей. — И как? Думаешь, тот покойник твои оправдания примет?

— А мне плевать, примет или нет. Говорю то, что есть, — не хотел я его жизни лишать, только кошелек. А, дрянь! — вскрикнул он, уколотившись в очередной раз. — Оно хотя бы того стоит, капрал?

— Ты ведь видел все сам, чего мне тебе объяснять.

— Ну да, впечатляет. Но если все так благостно, чего же от доспехов отказались, когда ружья появились?

— Так ведь тогда не было такой стали, вот и отказались. А после стало дешевле заменить солдата, чем налаживать изготовление дорогой амуниции, — начал озвучивать свое видение Сергей, больше для того, чтобы скрасить время за шитьем. — Сам посуди, в прежние времена для того, чтобы подготовить стоящего бойца, нужно было затратить годы. Но вот появились мушкеты, и какой-то сопляк после всего-то пары десятков выстрелов, едва наловчившись стрелять, убивает того, в кого вложены долгие годы и уйма сил.

— Ну, хорошо обученный боец всяко-разно десятка стоит, — неуверенно возразил Хват.

— Стоит конечно же, и даже больше. Но ребяток с ружьями куда проще готовить, и доспех не может сопротив-

ляться пуле, а стоит намного дороже мушкета. Вот и решились отказаться от изготовления этих доспехов.

— А нынешняя сталь, выходит, сможет защитить?

— Не всегда. Да что я тебе рассказываю, сам все видел.

— Видел, это да.

— Ну а раз так, то не ной, а думай, нужно оно тебе или нет.

— Все одно тяжелый получается твой бронежилет, капрал.

— Хватит ныть. К его весу ты привыкнешь, если будешь часто носить. И я не капрал.

— А я не убийца.

— Ладно, пусть будет капрал.

Вообще-то обеспечивать снаряжением Хвата в намерения Сергея вовсе не входило. Хвост только из одного Ануша и без того основательно растряс мошну Варакина. Настолько, что он едва смог свести концы с концами. Но парня определили в его отделение, которое в рустинской армии состояло из трех человек, таким образом, десяток делился на три отделения, или, если хотите, звена. Десятком командовал младший сержант. Впрочем, здесь не заморачивались со званиями и, несмотря на наличие еще и старшего, всех именовали сержантами. Так вот, отделения всегда действовали вместе, поэтому Сергей посчитал, что экипировка у них должна быть соответствующей.

Когда Грибски сообщил Варакину радостную весть о пополнении, Сергей тут же поинтересовался у бывшего вора, есть ли у него деньги. Как оказалось, есть, и немало, целая сотня. Сергей не стал допытываться, откуда они у него, прекрасно понимая, что одним из источников дохода вполне мог оказаться в свое время и сам. А вот требование, чтобы парень потратился на снаряжение, выдвинул.

Как тому ни жаль было столь бездумно расставаться с «кровно» заработанными, все же он был вынужден пойти на это. Просто Сергей сделал ему предложение, от которого тот не смог отказаться. Он сначала объяснил, что раз уж должен доверять свою кожу Хвату, то тому не мешало бы иметь соответствующее снаряжение. В случае отказа

потратиться и выполнять приказы Варакин пообещал избавиться от ненадежного звена самым радикальным способом, в первом же бою. Учитывая тот простой факт, что Хват оказался один против двоих, ему не светило избежать незавидной участи.

За оставшееся до отбытия время они успели посетить интенданта и приобрести там для парня «дятлич» и револьвер. Оба не первой свежести, из трофеев, но вполне рабочее. Там же пополнили запасы патронов и всего необходимого, чтобы крутить их самим. Для военнослужащих боеприпасы продавались по льготной цене, им они обходились еще дешевле. Сказывался длительный стаж службы знакомого сержанта Полена в качестве интенданта и, как следствие, наличие неучтенных излишков.

Пришлось парню раскошелиться и на глушитель, и на новую португую весьма непривычного вида, и на сталь для бронежилета. А ведь собирался гульнуть напоследок, с выпивкой и бабами. Надежда выбраться из той ямы, в которую он угодил, конечно же была, но не так чтобы и большая. Стали бы заменять виселицу и каторгу на подобную службу, если бы там все было благостно? Взять границу — служба куда как опасная, а ведь ее охраняют вовсе не черные шевроны, а обычные части.

Вот и хотелось оттянуться от души, на случай если это последняя возможность. Не судьба. Этот странный тип, у которого в глазах порой появлялась сама смерть, заявил, что он лично намерен выжить. Но если кто не хочет его слушать, то Варакину проще от него избавиться, чем каждый раз оглядываться и ждать с той стороны беды. Избавиться же он может только одним путем.

Варакин в очередной раз глянул на Хвата, пытаясь понять, чего можно ожидать от этого парня. То, что он успел повращаться в воровской среде, при этом не заняв высокого статуса, где-то даже пошло на пользу. Парень довольно легко смирился с главенством Варакина. Скорее всего, в его глазах просто произошла замена пахана. А что, Сергея очень даже можно считать авторитетным, как ни

крути, а дюжина трупов за плечами, да еще среди них есть и полицейский.

Конечно, вопрос подчиненности немаловажен сам по себе, но оставался еще и такой момент, как профпригодность. Сергею хотелось бы, чтобы рядом с ним были как минимум стоящие стрелки.

Вот взять Ануша — стрелок на загляденье, никаких сомнений, в первом столкновении за ним нужно будет приглядывать всерьез. Зато потом, когда пообвыкнет, ни в коей мере не будет обузой, а даже наоборот. В ближнем бою тоже чего-то да стоит и ножом пользуется весьма умело. На них Сергей предпочел обменять выданные им плохонькие, где то зазубренные, где-то источенные сабли.

А касаясь Хвата пока сплошные вопросы. Нет, драться-то он умеет и Анушу даст форы, но как он с оружием — непонятно. Прояснить этот вопрос и сводить его на стрельбище Сергей не успел. Поговорить с Грибски и устроить проверку прямо на барже? Как вариант годится, тем более оружие уже выдали на руки. Служба уже началась, сейчас они пока на рустинской территории, но уже завтра потянутся дикие земли. Однако взводный вряд ли разрешит устраивать стрельбу, чтобы не раздражать взвод охраны, еще, чего доброго, до беды дойдет.

Нет, парни охраняют вовсе не черных шевронов. Еще чего не хватало, пробовать качать права висельникам, которым, считай, сам лукавый не брат. Они конечно же решили искупить свою вину и получить прощение, вот только ради этого им пришлось поставить в заклад свои жизни. Достаточно высокая ставка, чтобы послать любого, кто захочет диктовать им свою волю.

Взвод солдат должен сопровождать пароходик и баржу обратно, чтобы они не стали добычей пинков, пожелай те поживиться. Что с того, что они будут возвращаться порожними. Пинки для себя здесь найдут мало интересного, посудина погибнет, а вот она-то сама по себе для рустинцев представляет ценность. Наличие же взвода солдат охладит любую ватагу. Это не застава, которая на земле, где

можно применить множество уловок, на воде все куда сложнее.

Раз уж принято решение выставлять заставы по реке, то глупо было бы отправлять гарнизоны по суше, да еще и в распутицу. Тем более одновременно можно доставить и лес для строительства, в тех краях с этим материалом проблемы. Маленький речной пароходик вполне способен тянуть и баржу, и плот с бревнами. Двигаться нужно вниз по течению, так что тут трудностей никаких. Оно можно и вовсе сплавиться, но речной труженик снимает множество головных болей, и скорость больше, и маневрировать проще.

Доверь сплав черным шевронам, так они раз за разом будут утыкаться в берег или найдут мель даже там, где ее нет. А заставы нужны уже сейчас. Едва прошел ледоход, как купцы засобирались в путь. Пока не тронулись, решили выждать еще недельку, а там появятся заставы, все безопаснее. Вот и еще одна задача для взвода регулярной армии — присмотреть, чтобы шевроны не халявничали.

— Все шьете, белoshвейки? — с нескрываемым недоумением подошел к ним их десятник Крайчек.

— Смейся, смейся, сержант. Вот припечет, попомнишь свои насмешки.

— А ты не каркай, так и не припечет. Лучше объясни, какого ты сменял сабли на ножи?

— Переживаешь за казенное имущество?

— Понять хочу. А еще прикинуть, что будет делать десяток, случись нам накоротке сойтись с пинками. Ну чего смотришь? Думаешь, такое случается так уж редко? В большинстве случаев, когда пинки превосходят по численности, они предпочитают рукопашную.

— Странно. Мне казалось, что наоборот.

— «Наоборот» редкость. С одной стороны, они стреляют хуже, с другой — патроны довольно дорогие. Ну и чем вы будете драться? Ножичками? — все же вернулся сержант к насущному.

Оно можно указать на несвоевременность замечания, но причина такого запоздания понятна. Все оружие нахо-

дилось в оружейной, и до самого момента погрузки десятник попросту не знал о манипуляциях, предпринятых Сергеем.

— Ты серьезно?

— Конечно. Драгун с саблей способен противостоять пинку, вооруженному даже легким копьем.

— Да я не о том. Ты действительно полагаешь, что сабли смогли бы помочь *нам*?

— Хм... Ну да, это я что-то не подумал.

Ничего удивительного в ошибке сержанта не было. Он сам был из драгун, как и большинство отобранных им в десяток. Надо заметить, что драгуны вообще были достаточно широко представлены в новосветской рустинской армии. Причиной тому большие расстояния и необходимость маневренных и подвижных частей. Пока территория Новой Рустинии простиралась в лесистой части, вопрос этот не стоял столь уж остро. Но как только замаячили открытые степные просторы, основу частей в этом регионе стали составлять именно драгуны, способные решать задачи двойного направления.

Поэтому-то драгуны или когда-то имевшие отношение к этим частям лица составляли добрую половину их взвода, шестнадцать человек. Еще восемь было из пехотных частей, и только семеро из гражданских. Такой большой процент военнослужащих вовсе не был типичным для остальных трех взводов шевронов, которые должны были выдвинуться после возвращения транспорта и его охраны.

— Игнас, как бы нам решить вопрос с тем, чтобы немного пострелять? — раз уж у них с десятником наметилась конструктивная беседа, решил сделать пробный заброс Сергей.

— А ты на стрельбище не настрелялся?

— По-хорошему — нет. Но я это не для себя. Нужно глянуть, чего стоит Хват. Мало ли, окажется, что он с пяти шагов в доску не попадет.

— Это кто не попадет?! — не удержавшись, возмутился раскритикованный блатной. — Если хочешь знать, я из «дятлика» со ста шагов у бутылки горлышко отбиваю. Из

револьвера — с двадцати, бутылки бью от пояса, причем каждый раз выхватываю из кобуры. Тоже мне великий стрелок выискался, — недовольно бурча, закончил свою тираду парень.

Допустим, из «дятлича» Сергей управится ничуть не хуже, а вот из револьвера... Он, конечно, вполне прилично стрелял, но вот так, выхватив ствол из кобуры, от бедра... Оно можно принять такую стрельбу и как понты корявые, но может так случиться, что эти понты спасут жизнь. Ситуации, они разные бывают. Если Хват не врет, тогда, получается, Грибски свел в одно отделение всех самых лучших стрелков формируемого им под себя взвода. Странно. Нет, то, что во взвод, очень даже понятно, но в одно отделение... Интересно, это он так проникся уважением к Сергею или еще какие думки имеет?

— Вот и поверь ему на слово, — подвел итог беседе Крайчек. — Вряд ли капитан разрешит палить, пока плывем.

— А нам обязательно его слушать? Не в регулярной же армии, можем и послать куда далеко и чаще.

— Оно конечно, ему не позавидуешь, такой вольницей командовать не одно и то же, что ротой солдат, но с другой стороны... Не выжить нам, если порядку не будет и каждый станет делать что захочется. Все сержанты на том сошлись, и каждого, кто захочет это порушить, к ногтю прижмем. Так что, если капитан скажет нет, так тому и быть.

— Что же, разумно.

— Да не журитесь. Если что дурное удумает, так мы ему укорот дадим, мириться не станем. А в таких мелочах...

— Так, может, все же узнаешь? Вдруг разрешит.

— Ладно, спрошу.

Идея со стрельбами капитану пришла по вкусу. Он сам был отличным стрелком и, как следствие, не мог не согласиться оценить способности тех, от кого теперь зависела его жизнь. Ну да, он устроил стрельбище для всего взвода, расположив импровизированные щиты на огромном плоту, находящемся у них на прицепе.

Их взводный производил впечатление здравомысля-

щего человека и знающего военного. Как такой офицер мог оказаться в столь незавидном положении, оставалось лишь гадать. Однако ларчик просто открывался. Причина оказалась весьма банальной — дуэль. Отчего-то офицерское собрание решило, что он спровоцировал своего сослуживца на поединок и, воспользовавшись своим преимуществом, убил его. Вообще-то странное решение. Наказывать столь жестко только за то, что он как стрелок оказался лучше... Наверняка там не все так просто, и было еще что-то.

Хват не был пустобрехом. Будучи на шаткой палубе, он отлично отстрелялся и из карабина, и из револьвера. Здесь о морской качке говорить, конечно, не приходится, но все же не твердая земля. Например, Ануш слегка уступил своим прежним позициям. Сергей заметил, как у Хвата немного испортилось настроение, когда его капрал отстрелялся на зависть всем остальным. Ну и чего попу морщить, с палубы стрелять куда как проще, чем с качающегося на ветру дерева.

Последующие два дня прошли однообразно, под непрекращающееся пыхтение парохода и плеск струящейся вдоль бортов воды. Их взвод должен был выставляться на самую дальнюю заставу, отсюда и длительность путешествия. Впрочем, оно должно было продлиться куда дольше. Мрава на пинкской территории была малоизвестной, опытные лоцманы, знающие этот участок реки, большая редкость. Поэтому торговые суда двигались только в дневное время, останавливаясь с наступлением темноты. Именно на это время и приходилось большинство нападений. Их же лоцман как раз принадлежал к той редкой когорте знатоков Мравы, и пароход шел не останавливаясь.

Однажды видели на берегу отряд пинков. Наверняка были и наблюдатели, оставшиеся незамеченными и тщательно изучившие палубу парохода и баржи. Однако гарнизон, находящийся на борту, явно внушал им уважение, а потому они предпочитали не нарываться. Впрочем, оно и понятно, им нужна добыча, воевать же только ради вой-

ны — перспектива не из лучших и уж точно не привлечет пинков.

Высадка на берег у намеченного места также не была чем-то из ряда вон выходящим. Капитан посудины виртуозно, иначе и не скажешь, сначала приткнул к берегу плот. Затем сделал разворот и выше бревен подвел к песчаной косе баржу. Установили сходни, свели лошадей. Дружно, при помощи пехотного взвода разгрузили имущество, провиант и фураж. Прошло не больше часа, как со всем этим было покончено, и пароходик, натужно пыхтя и дав прощальный гудок, постепенно набирая скорость, двинулся вверх по течению.

— Внимание! — раздался голос их командира и теперь уже коменданта данного участка и заставы, которую, кстати, еще предстояло отстроить.

Он заговорил, когда машины отходящего пароходика все еще были слышны. Но шкипер с его посудиной и взводом солдат на барже были уже в прошлом, и комендант Ежек как бы подчеркивал это.

— Парни, мы на месте. Я хочу, чтобы вы уяснили: теперь мы можем рассчитывать только на себя. Никто нам не поможет и не выручит, если на нас насядут арачи. Получив весть о том, что застава Паюла перебита, сюда просто пришлют новых бойцов.

— Ясное дело, на убой прислали.

— А ну заткнись, тля! — рявкнул на говоруна сержант Грибски, и его вид не сулил ничего хорошего.

— На убой не на убой, но вам предоставили выбор, и вы его сделали, — едва заметно кивнув сержанту, произнес капитан.

А ничего так, битый и жизнью тертый мужик. Не чурается, хотя однозначно из дворян. Точно знает, что значит сержант для армии. Если и в остальном так же, то не пропадут. Лишь полный идиот может утверждать, что все зависит только от подготовки солдат. Грамотное командование и умение добиваться выполнения своих команд, организация службы зачастую значат даже больше, чем подготовка бойцов. Конечно, будет тяжело, но кое-кто

все же из этой передраги выберется. В этом Сергей не сомневался.

— Если кто-то решит, что ему с нами не по пути и что у него больше шансов в одиночку, чем оставаться с гарнизоном заставы, он может уходить. Мы никого преследовать не станем, — продолжал между тем капитан.

— Но восточку о дезертирах ты отправишь. Так, капитан?

Нет, не из военных. Это кто-то из гражданских. Солдаты и сержанты смотрят, насупившись, из-под бровей, но помалкивают. Скорее всего, сказывается то простое обстоятельство, что взвод негласно разделился на две части — тех, кто попал сюда из армии, и явных преступников. Кстати, к отделению Сергея также предвзятое отношение, хотя, казалось бы, в одном десятке.

— Каждый боец для нашей заставы на вес золота, каждый лишний карабин, способный разить арачей, — лишний шанс выжить для любого из нас. Тот, кто решит бежать, не предаст родину, не нарушит присягу и не преступит закон. Нам, здесь и сейчас, на это плевать. Но он предаст нас, уменьшит наш шанс на выживание. И отчего мы должны вспылать к нему нежными чувствами? Разумеется, я об этом сообщу, и охотники за головами начнут свою работу. С этим разобрались? Тогда дальше. С этой минуты оружие держать при себе постоянно, как и полный боекомплект. Даже нужду справлять ходить с оружием. За любое неповиновение и невыполнение приказа в боевой обстановке — расстрел. За тупой приказ, повлекший бессмысленные жертвы, — расстрел. За попытку устроить драку и уж тем более поножовщину — расстрел. За оставление товарища, в случае если есть возможность его спасти, — расстрел.

— Эдак всех перестреляешь, капитан.

— Ты опять...

— Спокойно, сержант, — охладил Грибски капитан Ежек и спокойно ответил: — Всех не перестреляем, только тупых ублюдков, которые не захотят понять — выжить здесь можно, лишь держась друг за друга и защищая друг

друга. У вас сейчас нет роднее того, кто стоит рядом, даже если вы его ненавидите и считаете грязью.

Капитан внимательно осмотрел весь взвод, постаравшись с каждым встретиться взглядом и понять, какое действие произвели его слова. Сергей также украдкой посмотрел на парней, и в первую очередь на Ануша и Хвата. Ануш смотрел на всех так, словно хотел сказать: парни, я не подведу, можете на меня положиться. А вот Хват больше посматривал на Варакина, оценивающе эдак смотрел и даже легонько хмыкнул, уж больно схожи были слова коменданта и капрала.

— С этим тоже закончили, — подытожил капитан. — Пошли дальше. Второй десяток, организовать доставку наверх всего имущества, боезапаса, провианта и фуража, установить палатки и защитить все надлежащим образом. Мы не растаем, а вот если вымокнут боеприпасы, останутся одни консервы, а у лошадей трава — будет кисло. И что-то мне подсказывает — дальше со снабжением будет только хуже. Так что беречь все, что имеем, пуше глаза. Третий десяток, закрепите как можно лучше плот, чтобы его не отнесло течением. Хотелось бы все же иметь крепкую ограду и хоть какие-то дома. За земляным валом и в палатках как-то неуютно. Первый десяток со мной. Посмотрим место, которое выбрали штабные для нашей заставы.

Берег реки, покрытый крупным песком, был достаточно крутым на всем протяжении. Когда они поднялись на урез, то их встретило первое отделение из десятка Сергея. Этих троих отправили, едва началась высадка. Идиотизм копошиться на берегу, не видя дальше собственного носа. Водная гладь и берега просматриваются неплохо, но вот саму степь не видно. Глупо будет, если взвод подвергнется внезапному обстрелу с выгодной позиции. Их история закончится, так и не начавшись.

За подъемом обнаружилась практически равнинная местность, которая полого убегала вдаль, постепенно повышаясь. Видимость составляла никак не меньше пятнадцати верст на север, восток и северо-восток. В южном направлении та же картина, за гладью Мравы, ширина кото-

рой доходила до трехсот метров, простиралась голая степь.

На западе видна Изера. Серьезная река, ничего не скажешь. Волгу Сергею видеть не доводилось, но в том, что эта ничуть не уступит, отчего-то сомнений не было. Между берегами версты две. Может, он и ошибался, но если это и имело место, то скорее в меньшую сторону, чем в большую.

От них до места слияния рек было недалеко, едва ли верста. Берег хотя и крутой, но не такой уж и высокий. Так что видимость хорошая, по Мраве мертвых пространств не наблюдается. Единственно на Изере, если двигаться под левым берегом, можно остаться незамеченным. Но, как говорится, нельзя объять все и сразу. В конце концов, они не речная флотилия. Тут бы суше ума дать.

С виду степь ровная как стол, даже кустов нет. Но это только кажущаяся открытость. На самом деле при умелом подходе и знании местности здесь можно подкрасться незамеченным буквально вплотную. Казалось бы, насквозь просматриваемое пространство изобилует различными рытвинами, промоинами, руслами речек или ручьев, просто оврагами. Есть участки, поросшие бурьяном, способным скрыть всадника. Но все эти неровности и укрытия скрадываются расстоянием и сливаются в сплошной покров, создавая иллюзию полной открытости.

Вроде бы глазу не за что зацепиться, к тому же к виду бескрайней степи Сергей успел попривыкнуть. Однако он замер, не в силах оторвать взор от представшей величественной картины простора у слияния двух крупных рек. А еще... Весной степь просто неподражаема, с ее многообразным цветением и сочной зеленью разнотравья. Пройдет всего лишь пара месяцев, и пейзаж станет куда более унылым, но сейчас он представлял собой пестрое лоскутное одеяло, притягивающее взор.

— Что, дух захватило? — поинтересовался незаметно подошедший сержант Грибски.

— Кхм... — смутился Сергей. Неприятно, что застали

врасплох, да и любование красотами в их положении... — Ничего так, красиво.

— Сразу видно, что ты из лесного края. Ты, Сергей, не тушуйся. Я в степи уж сколько лет, а все одно каждую весну, как мальчонка, люблюсь этакой красотой. Но вот ослабился разок, и будет. Понял?

— Да куда уж понятнее. Слушай, Милош, а отчего заставу решили тут ставить? Не лучше на том клине, что у слияния рек?

— Нет. На слиянии такие водовороты и настолько дурное течение, что о нападении там не может быть и речи. Опять же суда проходят этот участок только в светлое время. Там ни плот, ни баржу к берегу не подтянуть. Опасное место. А наша задача в первую очередь не столько патрулирование, сколько обеспечить надежную ночную стоянку. Кстати, валийцы свой форт тоже будут ставить примерно в версте, а может, и дальше от слияния.

— Почему «может, и дальше»?

— Ближе нельзя. Политика. Эдак они окажутся как бы на Мраве, а ее должны контролировать рустинцы. Поэтому и мы в сторонке от Изеры. Опять же все будет зависеть от источника воды. Нужен либо колодец, либо, как вот у нас, бьющий из земли ключ. — Грибски указал на предмет разговора.

— А что так-то?

— Так ведь если использовать ручей, то пинки его легко потравят и возьмут нас голыми руками. Бывало уж такое. Грешно не учесть опыт, доставшийся кровью.

— Грешно, — согласился Сергей.

На этом их беседа закончилась, так как сержанта подозвал прекративший хождение по округе капитан. Десятник Крайчек был уже рядом с ним. Понятно. Сейчас капитан выслушает предложения сержантов по обустройству заставы и примет решение. Обычное в общем-то правило у не отличающихся дурью начальников. Мало ли, вдруг у лица подчиненного родится дельная мысль, что частую и бывает. В этом случае начальник без ущерба для

своей репутации может воспользоваться предложением, кто знает, о чем там на самом деле думал начальник.

Шкипер оказался знающим свое дело, поэтому доставил подопечных к назначенному месту на рассвете, предоставив в их распоряжение целый день. Не сказать, что в условиях враждебной степи это так уж и много, но и немало, чтобы подготовить хоть какие-то укрепления. За день они успели сколотить рогатины, которых хватило для того, чтобы замкнуть небольшой периметр, достаточный для временного размещения взвода. Отрыли траншею.

По меркам Сергея скорее окоп с бруствером для стрельбы с колена. Для того чтобы перемещаться по данному сооружению и гарантированно не оказаться жертвой шальной пули, нужно встать на четвереньки, не иначе. Но дальше местная военная мысль пока не шагнула. Как не было у солдат и саперных лопаток, при необходимости их снабжали обычными. Это создавало определенные трудности при мало-мальской нерасторопности интенданта, что было скорее правилом, чем исключением.

Однако уж что-что, а лопаты в количестве трех десятков, как и другой инструмент в достаточном количестве, у черных шевронов были. Иначе просто никак, ведь им предстояло построить укрепленную заставу. Конечно, их жизни мало что значили для правительства, но ему было необходимо обеспечить должную защиту купцам, а потому имелаась кровная заинтересованность в возведении крепких опорных пунктов.

Одновременно с возведением защитного периметра устроили пороховой погреб, куда снесли все боеприпасы. Установили палатки для размещения личного состава и припасов — в весеннюю пору дожди в степи вовсе не редкость.

К закату на некогда пустынном берегу уже имелось какое-никакое полевое укрепление, способное противостоять атаке незначительной банды арачей. Люди были измотаны. Работать приходилось под палящими лучами солнца, да еще и перелопачивать десятки кубометров земли, напитанной влагой как губка. Но все же никто не отлыни-

вал, и работали если не за совесть, то за страх. Все просто. Они пришли сюда не сложить свои головы, а чтобы получить шанс на свободную жизнь, без опасливого оглядывания по сторонам.

— Пошло родимое! Веселее, веселее! Молодца, вот так!

— Сергей, тише, сейчас бревно потеряем!

— Ничего ему не станется, веревки уже заняли свое место.

— Так здоровое.

— Говорю, не свалится. А о том, что здоровое, пусть переживает тот, кому его раскалывать придется, — беззаботно улыбнулся Варакин, выдавая зубами мелкую дробь.

Вообще-то работать в воде приятного мало, река все еще холодная. Но делать нечего — не подняв лес, не построишь заставу, вот и пашут не покладая рук. А какой смысл лодыря-то гонять, если все на поверхности. Сделают дело — появится уверенность в безопасности, а нет... В полевых укреплениях, что они устроили, долго не выстоять. Так что вкалывают не за страх, а за совесть.

Холодно. Но нет, сначала еще одно бревно поднимут, а там можно будет и поменяться с Анушем, погреться на изрядно припекающем весеннем солнце. Они сейчас словно между молотом и наковальней, сверху жарит так, что не продохнуть, снизу стылая вода. Работать приходится в исподнем (это Сергею, двое его товарищей недолго думая остались нагишом, а вот он немного комплексует), да еще и босиком, рискуя напороться на острую ветку, способную с легкостью поранить ногу. Но лучше уж так, чем лишиться обуви.

Отделение Сергея, в отличие от остальных, позажиточнее будет. Варакин мало что позаботился о снаряжении, так еще и про сменную одежду не забыл, как и про обувь. Об Ануше позаботился его родитель, ну а Хват, он и есть Хват, где-то как-то нахватал, еще до того, как его в отделение Сергея определили. Казалось бы, надевай и работай,

да только обувка подобного издевательства долго терпеть не станет, расплзется, а оно того не стоит.

Выбрать очередное бревно. Подвести его по воде к скрепленным скобами бревнам, выполняющим роль пандуса. Дождаться, пока Ануш подтянет канаты. Перехлестнуть бревно с двух концов. Подать сигнал наверх, чтобы другое отделение, у которого упряжка из четырех лошадей, начинало подъем. И за следующим бревном. Стоп. Сначала поменаться с Анушем. Хватит, погрелся — дай другим.

В методе, применяемом шевронами, присутствовал один недостаток. Бревна поднимались по пандусу довольно легко, разве только вначале имела опасность, что канаты соскочат с концов. Потом-то канат успевал продавить и протереть в коре бороздки, нечто вроде направляющих, и вероятность соскока значительно падала. Но после каждого подъема, когда очередное бревно отцеплялось, нужно было возвращать канаты к берегу. Это делал при помощи веревки, привязанной к ним, специально выделенный человек. Вроде и нерационально, и тяжело, но, с другой стороны, шевронов вполне устраивало, так как была возможность греться поочередно, благодаря чему работа шла практически непрерывно.

При выставлении застав командование озаботилось не только строительным лесом, но и подбросило пиломатериалы в виде досок. Неслабое подспорье, чего уж. Имелись и три блока, с помощью которых куда сподручнее ворочать тяжелые бревна. Вот два из них и приспособили для подъема леса от воды по крутому берегу. В наличии был и передок наподобие того, каким Алексей и Сергей тягали бревна на хуторе Бедрича, но использовать его на берегу, покрытом крупным, но все же рыхлым песком, идея не из лучших. Эдак и себя замучаешь, и лошадей угробишь. Поэтому его использовали уже наверху, там, где плотный грунт и лошадям не так тяжело.

Поправив за спиной карабин, который все время ерзал, Сергей пошел на сушу, показывая Анушу, что пора меняться. Все недоумевали, когда Сергей сделал ружей-

ный ремень, чтобы иметь возможность носить карабин на манер пехотинцев. У драгун это было не принято, карабины либо находились в руках, либо покоились в седельных чехлах. На ложах «дятличей» с левой стороны имелись кольца, за которые их можно было подвешивать к седлам. Но большинство от них избавлялись, предпочитая использовать более удобные чехлы, да и сам карабин не мотает. Варакин дополнил чехол ремнем, мало того, заставил то же самое сделать и своих подчиненных.

Ремень что, его и снять можно или подтянуть так, что он не будет мешать. Если с умом, то появляется дополнительная возможность для более жесткого упора оружия, от чего и стрельба будет точнее. Так что помехой всяко-разно не будет. Даже работая в воде и будучи голыми, они имели за спиной карабины. Видок тот еще, «джентльмены удачи» во главе с Евгением Леоновым отдыхают. С другой стороны, от смеха ничего фатального не произойдет, намочить не намочат, не по пояс в воде, а случись надобность, то они окажутся при вполне серьезном оружии.

— Ну что тут у вас?

А вот и взводный сержант появился, Грибски который. Инспектор. А то не видно, что тут и как. Через нехорошее место, вот как. Разумеется, резкого ответа мужик не заслуживает, поэтому Сергей сдержался. Дело вовсе не в его иллюзорных нашивках, это черным шевронам не положено. Тут даже и должности такой нет, но раз уж есть воинское подразделение, пусть и такое, как это, то должен быть хоть какой-то порядок. Главное то, что Милош оказался действительно знающим и толковым мужиком, а такому грех не выказать уважение.

— Работаем, разве не видно? — подбоченившись, ответил Сергей.

— Я вижу, как вы тут работаете. Кто это придумал поднимать толстые бревна? Что, решили подложить свинью товарищам? Весельчаки, итить вашу.

В этот момент раздался звук трубы. Сигнал к обеду. Продолжая выслушивать недовольное ворчание Грибски,

отделение потянулось одеваться. Сергей не отставал от парней, правда, не забывал и общаться с сержантом.

— Милош, ты бы толком объяснил, чего разрываешься, — присев на бревно и натягивая штаны поверх уже сухого исподнего, возмутился Сергей. — У меня тут хозяйство скоро отвалится, зубы искрошатся от стука, да простуда не за горами, а ты предъявляешь не пойми что.

— А чего тут непонятного? Самые толстые бревна нужно оставлять на берегу, из них причал ладить будем, потому как наверху все одно раскалывать придется. А вы гоните их, чтобы мы потом вниз спускали.

— А сразу сказать нельзя было?

— Кто же думал, что ты не догадаешься. Небось тут посмеивался, когда бревна наверх посылал.

При этих словах Хват и Ануш переглянулись и хитро улыбнулись. Ага. Это Грибски в точку попал. Ну и что с того? Откуда Сергею было знать? Вообще-то, если чего не знаешь, не мешает спросить. Ладно, чего теперь-то, проехали.

— Не подумал, — уже поднявшись и накидывая лямки помочей, ответил Сергей.

— Оно и видно. Вот...

Что там «вот» так и осталось неизвестным — раздалась разноголосица выстрелов. Кто стреляет, догадаться несложно, а вот откуда? Ффу-у — высоко над головой пролетела пуля.

— В ружье!!!

Грибски, стоя на высоком берегу, заревел, что твоя иерихонская труба, одновременно поворачиваясь к стоящему внизу отделению спиной и тут же посылая пулю из карабина в сторону лагеря. Вряд ли он попал, такая стрельба скорее рассчитана на то, чтобы ударить по нервам. Это если пинки уже не находятся в непосредственной близости. Сорвавшись с места с неожиданной для его комплекции резвостью, он скрылся из виду.

Играть в гляделки некогда. Едва сержант послал первую пулю, Сергей с товарищами рванул наверх, загребая сапогами податливый песок. Но когда Ануш и Хват хотели

продолжить движение, Сергей остановил их и, высунувшись над кромкой, осмотрел поле боя.

Благодаря тому, что многие пинки использовали дымный порох, понять, откуда ведется огонь, несложно. Из ложбинки за пределами лагеря. Не так чтобы и далеко, но стрелки они аховые, так как постоянной практики не имеют, поэтому падающих шевронов Сергей не заметил, хотя люди и мечутся в беспорядке, подставляясь по полной. Сержанты пытаются навести в этом бедламе порядок.

— К бою!!!

— Пинки!!!

— Куда, мать твою! Назад, в перехлест, через плетень!

— А ну взял карабин! Зашибу, едрить твою налево!

— Справа! Справа обошли!

— Слева! Слева они!

Дежурный десяток молотит что твой пулемет, прикрывая товарищей, спешно изготавливающихся к бою или просто проходящих в себя.

— Занять круговую оборону согласно расчета! Шевелитесь, телячья немочь! — Это уже капитан, и не узнать его голос просто невозможно, сержанты отдыхают. Как видно, с боевым опытом мужик.

Хи-юп-юп-юп-хия!

Среди этой разноголосицы помимо дробного грохота выстрелов слышатся и крики, полные боли. Воинственные выкрики пинков и впрямь раздаются с разных сторон. Их много, они повсюду. Происходящее настолько жутко, что только закаленные в боях ветераны сохраняют самообладание. Они-то и пытаются взбодрить растерявшихся и откровенно трусивших товарищей.

— Да они повсюду!

Ого, а вот этот голос вполне даже знаком. Ануш сошел с нарезки, пятясь назад.

— Стоять!

Сергей сам себе удивлялся. Да, от хлынувшего по венам горячего потока адреналина он потерял ориентацию и где-то даже утратил нить, связывающую с реальностью. Но это не был испуг или растерянность. Панические

ноты, сорвавшиеся с уст младшего товарища, и вовсе привели его в норму. Голова опять стала светлой, способной принимать быстрые и взвешенные решения.

Приводя парня в себя, Варакин схватил его за грудки, встряхнул и вlepил затрещину, прозвучавшую едва ли тише выстрела. Во взгляде Ануша непонимание, обида и злость одновременно. Молодец, дружище, значит, с характером все в порядке, и причина случившегося вовсе не трусоватая натура, а обычная растерянность. Это ничего, это лечится.

— Приди в себя, парень! Некогда раскачиваться! Карабин в зубы и стреляй! Давай!

Крича это, Сергей сам уже держит карабин на изготовку, вот только ищет он не пинков, это еще успеется. Хват. Где этот блатной оторва? Молоток. Вор оказался не робкого десятка и быстро ориентировался. Он откатился немного в сторону, чтобы не сидеть плечо к плечу. Карабин в его руках уже бился как бешеный, выплевывая одну пулю за другой. Вряд ли такая стрельба могла быть результативной, но свой вклад в организующуюся оборону вносил.

Взгляд Сергея выцепил одного из шевронов, который сейчас валялся на траве, скрючившись и мелко суча ногами. Этот из второго отделения, которое также было задействовано на переноске бревен. С началом перестрелки все они, как и сержант Грибски, поспешили за линию траншей, где в козлах стояли карабины, а сейчас организовывалась оборона. Да вот одному не повезло.

Слишком увлекшись наблюдением и личным составом, Сергей упустил тот простой момент, что они находились вне оборонительного периметра. Плотность огня все усиливалась, и перебежка к окопам сопряжена с серьезной опасностью. Оно вроде и не далеко, да только по открытому участку — даже если ползти, здесь траву изрядно повытоптали, так что будешь как на ладони, да еще и белые исподние рубахи. Словом, веселья до неожиданной кучи в штанах.

Над головой вжикнула очередная пуля, другая вздыби-

ла фонтанчик земли, ударив совсем близко от левого локтя. Все же белые рубахи сильно демаскируют. Надо будет подумать над маскировкой и вообще перекрасить свой мундир. Бронежилет вроде как грязно-серого цвета получился, парусина достаточно старая, но все одно перекрасить не помешает. А еще раздобыть сеть, нашить на нее лоскутов, и получится замечательно. Можно изготовить лохматый комбинезон, так куда практичнее. Мо-ло-дец! Йок макарек! Не, а чего такого? Подумать же больше не о чем. Тут вот-вот пришибут, и отряд не заметит потери бойца, а ему только и думать что о маскировке.

Варакин прекратил стрелять и немного приподнялся, всматриваясь в продолжающийся бой. Реально попасть в кого бы то ни было сложно, а вот понять, что тут происходит, не мешало бы. О том, чтобы присоединиться к взводу, нечего и думать, тут метров тридцать по открытому пространству. Впоследствии это расстояние будет съедено стенами и постройками заставы, но сейчас все именно так, и связано это в первую очередь с питьевой водой. Этот ресурс чуть не самый важный в условиях степи, вот и устроили лагерь вокруг ключа.

Пинки были не повсюду, как казалось вначале. Просто они использовали неглубокую ложбинку, охватывающую лагерь полукругом. Интересно, а как у них вообще получилось пробраться по ней, ведь выставленный немного в стороне и на взгорке пост должен был засечь их задолго до приближения к лагерю?

Сергей непроизвольно бросил взгляд в сторону, где должен был располагаться пост. Ничего. Из окопа, вырытого для несения службы, где при случае можно было принять бой, не раздастся ни одного выстрела. Перебили? Интересно, и как это у них получилось? По всему выходит, что начали именно с них. Но там все открыто, и незаметно не подобраться.

Ладно, сейчас не до того. Что там в лагере? Стрельба не прекращается и звучит с такой же интенсивностью. Бьют часто и бездумно. Понятно. Шевроны стараются подавить нападающих плотностью огня и вынудить их отступить.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1. Штрафник</i>	<i>5</i>
<i>Глава 2. Писатель</i>	<i>46</i>
<i>Глава 3. Вылазка</i>	<i>81</i>
<i>Глава 4. Конец затворничеству.</i>	<i>120</i>
<i>Глава 5. Осада</i>	<i>165</i>
<i>Глава 6. Нечаянная новость</i>	<i>228</i>
<i>Глава 7. Двум смертям не бывать</i>	<i>257</i>
<i>Глава 8. Как хорошо начиналось...</i>	<i>282</i>